

Литературная СТРАНИЦА

Владимир БОЛОХОВ.

БАЛЛАДА О СНАЙПЕРСКОМ ВЫСТРЕЛЕ

И долго кашлял бывший партизан,
который эту был мне рассказал.
«Безусый — не убийца и не вор, —
он слушал беспощадный приговор.
Он бросил партизанский свой

расчет
в бою неравном. И теперь —

расчет...
Лесных бойцов безмолвный замер
строй.

И голос вдруг: «Да, парень —

не герой,
но в деле-то впервые и — в каком!
Не каждый из пеленок —

смельчаком...»
«Молчать! — взорвался

командирский бас. —
Иль рядом — с тем, иль выполняя

приказ!»
И, сняв ремень, шагнул к «тому»

боец,
в отряде первый — признанный —

храбрец.
«Ах, та-ак!» и вскинул «вальтер»

командир.
И — бросился под выстрел

«дезертир»,
готовый проглотить свинцовый

взрыв,
собой нежданного защитника

закрыв...
И раскололась громобойно тишь...
В листе опавшей прошуршала

мышь...
И всколыхнулся партизанский

строй:
новорожденный не упал герой,
и не упал прикрытый им боец,
в отряде первый — признанный —

храбрец,
Что до войны был школьным

худруком...
А командир был снайперским

стрелком...
К тому ж еще и любящим отцом

тому, кто числился первейшим

храбрецом...
Священный розыгрыш был ими —

сговорен...
А так бы разве промахнулся он!...
И мне...»

Прошибла старика слеза...
И ясно было, что он не сказал.

Валентин РОМАНОВ,
аппаратчик ККЦ.

ПРОЩАНИЕ С ДЕРЕВНЕЙ

Тишайший миг. Легчайший ветер.
Погода, как душа, тепла.
И солнце в мой прощальный вечер
того гляди сгорит дотла!..
Берез и лип великолепье
в деревне ласковой моей
своей листвы любовный лепет
несет с печалью журавлей...
Конечно, это — совпадение!
А может быть, простая грусть?..
Но я в усталом раздражении
писать об этом не будусь.
Уж лучше бы, судьбу калеча,
отсюда грянула беда!
Тогда, наверно, будет легче
лететь неведомо куда!
Уж я тогда бы поддал пару,
сумев с достоинством уйти!..
Но вечный лермонтовский парус
мне снова грезился в пути.

ХЛЕБ

Сталевар Бушуев вернулся
с домом после ночной сме-
ны только к обеду.

— Ты что так долго? Что-
нибудь случилось? — спро-
сила жена.

— Потом расскажу.

Сели обедать. Елена Бо-
рисовна внимательно по-
смотрела на мужа, успоко-
илась. Ел он, как всегда, с
аппетитом. Младшая дочь
Марина бойко начала пробо-
вать все, что стояло на сто-
ле. А Елка, чем-то взвинчен-
ная, не дождалась борщ, бро-
сила надкусанный кусок хле-
ба в помойное ведро и по-
бежала в школу.

Отец стукнул ложкой по
столу:

— И это моя дочь! Вось-
миклассница! Мы в войну
уходили из школы на кол-
хозные поля, реяли хлеб,
убирали. И все попусту.

— Глупа еще, — вздохну-
ла жена.

Расстроенный Бушуев от-
правился на базар и купил
отрубей. Дома он пропустил
через мясорубку промытую
картофельную кожуру.

Елена Борисовна пожала
плечами. А когда он велел
из этого серого месива испе-
чь хлеб, удивилась:

— Коля, не горячись. Ей
еще не все доступно.

— А мы для чего?.. А
школа?..

— Школу не трогай,
вспомни, какой праздник
хлеба провели учителя. И
наша дочь участвовала. Сти-
хи читала.

— Читала! А за куском
хлеба не видит трудового
человека.

— Время другое. И жизнь
изменилась.

— Значит, не зря в двенад-
цать лет мы заменяли отцов
на полях и заводах.

Вечером Елена Борисовна
положила на стол хлеб.

Марина потрогала его:

— Он, как ежик, колючий.

— Но это — хлеб! Наш.
Военный. Деревенский, —
ответил отец и начал резать
его.

— Я не выбрасывала на-
стоящий, — насупилась Ма-
рина.

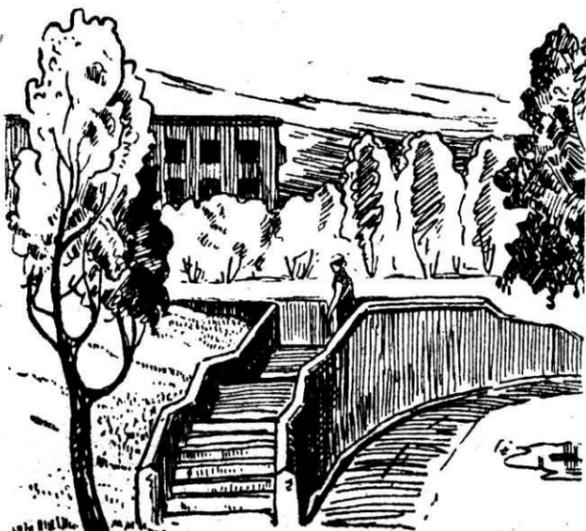
— Ничего, — сказала ма-
ма, — это тоже настоящий.
Другого сегодня не будет...

РАЗБУЖЕННАЯ СКРИПКА

Елка и мама ушли с пля-
жа, когда солнце скунулось
в море. Анна Васильевна, у
которой они остановились,
заканчивала уборку, улыб-
нулась:

— Проходите, пожалуй-
ста. Теперь чисто. Лишнее,
что осталось в комнате, я
уберу.

Елка увидела на столе кю-
пу нот, скрипичный футляр
и удивилась:

Уголок города.

Рис. П. Хмыкина.

— Анна Васильевна! Это
ваша? Кто играет?

— Сын играл.

— А где он?

— Погиб... в сорок пер-
вом. И ты играешь?

— Да, — чуть слышно от-
ветила девочка.

Анна Васильевна достала
скрипку, фартуком смахнула
пыль:

— Сыграй.

Елка осторожно омычком
разбудила скрипку. Начала
играть «Грезы» Шумана, ко-
торые исполняла на город-
ском конкурсе скрипачей.

Сердце Анны Васильевны
сжалось, на лице добави-
лись морщинки. Не дослу-
шав плачущую скрипку, она
вышла на улицу, а за ней и
Елкина мама.

Вечер зажегся на небе
первые звезды. Старая яблоня
в саду протягивала им
свои плоды. Анна Васильев-
на, словно камень, бросила:

— Проклятая война!
Сколько же людей погибла.

Мой Слава тоже играл
эти «Грезы». По радио... Его
скрипка — недорогая, Шим-
мермановская, но хорошая.

— Она с голосом, — со-
гласилась отдающая.

— Знаешь, Лена, как мне
надоело покупать.

— Не продавайте. Память
то какая!

— Разве это память? Это

рана...

— Это же наш! — запры-
гали девочки, — на ножке
дедушкина метка.

Старый знакомый сидел на
крыше скворечника. Весь
черный. На крыше — белые
крапинки. Рассыпал горстку
веселых нот и улетел.

После завтрака Елка на-
чала заниматься на скрипке.
Долго учила трудное место
из концерта Вивальди. А в
перерыве услышала, как то-
чно скворец повторил то, что
она играла. Приоткрыла
балконную дверь:

— Малыш, ты чудо-певец!

— Мой Слава продолжает
жить!

На прощальном ужине
Елена Борисовна поставила
хозяйке на стол подарок —
проигрыватель. А Елка ска-
зала:

— Анна Васильевна! Мы
с мамой ходили в ателье
«Горящее письмо» и для
нас записали на пластинку
«Грезы».

Старушка покачала голо-
вой: опередили. Подошла к
дивану, взяла футляр и про-
тянула:

— На, Елочка, учись за
двоих.

СКВОРЕЦ

До прилета скворцов оста-
вались считанные дни. Нико-
лай Кириллович на своем
балконе приладил сквореч-
ник. Марина одно твердила:

— Не будет жить.

— Посмотрим, — пожи-
мал плечами папа.

На следующее утро Елена
Борисовна зашла в детскую:

— Скворец поселился!

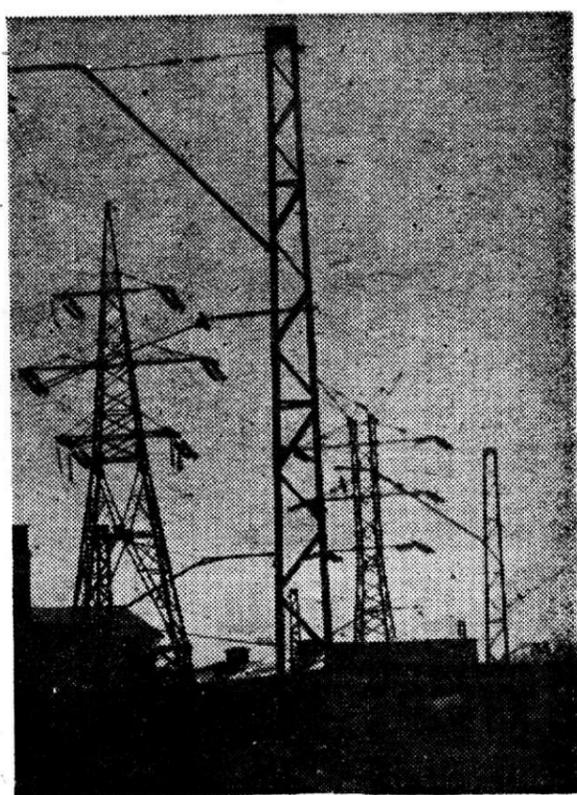
— Правда, мама?

— А где он? — спросили
дети, глядя в окно.

— Не знаю. Только что
пел.

— Он еще не прописался.
Документы оформляет, —
пошутил отец.

— Прячьтесь! — приказа-

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ.

Фотоэтиюд Ю. Попова.

РАЗБУЖЕННАЯ СКРИПКА

Эвальд РИБ.

ла мама, — летит.
— Это же наш! — запры-
гали девочки, — на ножке
дедушкина метка.

Старый знакомый сидел на
крыше скворечника. Весь
черный. На крыше — белые
крапинки. Рассыпал горстку
веселых нот и улетел.

После завтрака Елка на-
чала заниматься на скрипке.
Долго учила трудное место
из концерта Вивальди. А в
перерыве услышала, как то-
чно скворец повторил то, что
она играла. Приоткрыла
балконную дверь:

— Малыш, ты чудо-певец!

НАРИСОВАННАЯ МУЗЫКА

Весна сделала деревьям
модные зеленые прически.
Они стояли за окнами шко-
лы на улице Грязнова, где
студентка музыкального
училища учила ребят пони-
мать музыку.

— Музыкальное произве-
дение, — сказала Елка Бу-
шуева, — это стихотворение,
написанное не словами, а
звуками. Стихи бывают раз-
ные по настроению. Так же
и музыка. Как вы думаете,
ребята, музыку можно нари-
совать?

Кто-то сказал:

— Нет.

Но руки тянулись.

— Как тебя звать?

— Вера.

Девочка встала. Ростом
небольшая. Худенькая. Во-
лосы белые. Кудрявые-куд-
рявые. Глаза большие. Ум-
ные. Голубые. Ответила:

— Музыку можно нари-
совать.

— А кто из вас видел пе-
респелку?

— Это — птичка, — про-
басил Витя Быков.

— Где она живет?

— В деревне.

— Кто точнее скажет? Ве-
ра?

— Где хлеба растут.

Елка взяла скрипку и ска-
зала:

— Я вам сыграю белорус-
скую народную песню «Пе-
респелочка». Послушайте.

И показалось, что перепел-
ка залетела в класс и запе-
ла, а потом, по-видимому,
вылетела через форточку.

«Все дружно захопало».

— Какая по настроению
песня?

— Грустная, — хором от-

ветили ребята.
— А почему у нее такая
песня? Не знаете? Я вам
расскажу. Перепелки всю
ночь поют от зари до
зари. Все дома спят. Птицы
спят, а перепелка нет. Ей же
скучно одной...

Через педеля Елка приш-
ла в школу, чтобы прове-
рить, как ребята выполнили
ее задания. Рассматривая
альбом «Мы нарисовали
музыку», скрипачка обрадо-
валась: с крыши колхозного
амбара чуть заметно скаты-
валась луна. За деревней
раскинулось море золотой
пшеницы. Возле дороги —
одинокая береза. На нижней
ветке сидела перепелочка. А
в уголке написано: «Витя
Быков, первый класс».

На рисунке Веры — кур-
носая девочка сияла от сча-
стья. Танцевала с «Новой
куклой»... Чайковского.

К ЛЕНИНУ

— Елка, разве можно
столько заниматься? — ска-
зала тетя Люда, у которой
она остановилась в Москве
перед экзаменами. — Твоя
скрипка уже устала. Мы
только во время войны так
работали.

— Поэтому и победили, —
ответила скрипачка.

— У меня завтра выход-
ной. Пойдем в Мавзолей.

— Только не завтра, тетя
Люда. Я хочу прийти туда,
чтоб не стыдно было.

— Хорошо. Занимайся...

Елка вошла в оперный
класс Гнесиных, где скрипа-
чи, альтисты, виолончелисты
сдавали экзамены. Председа-
тель приемной комиссии
Константин Кузьмич Родио-
нов улыбнулся:

— Пожалуйста. Мы вас
слушаем.

Она заняла свое место. Не-
много постояла, потом спо-
койно подняла скрипку и на-
чала играть Баха.

А в коридоре была другая
комиссия — поступающие.
Кто-то заметил:

— У нее отличный инстру-
мент. Пятерку выжмет. От-
куда она?

— Из Магнитки.

Вскоре магнитогорская
Елка отправила телеграмму
Анне Васильевне:

— Ура! Поступила.

А потом сказала тете Лю-
де:

— Сегодня мы идем к
Ленину.